

раз подвергался аресту. Но, отбыв очередной срок, вновь принимался за старое. По его словам, в банке одной из стран Азии хранятся около ста произведений искусства романского и готического периодов. Все это богатство он и решил вернуть Испании.

Анатолий МЕДВЕДЕНКО
Мадрид

его двора

его сезона

Культура. - 1998. - 30 июня - 5 стр. - 1.13

ПО ИНСТАНЦИИ.

Труды и дни

"Любовь к трем апельсинам" ривой и театрально-патетической ластикой.

Легкие сказочки предложил Музыкальный театр в этом сезоне, отя, подзреваю, вовсе не скаюки желал первоначально произвести на свет. (Краткие впечатления о приподнявшейся премьеры "Любовного напиток" — на 1-й границе).

Революционеры в объятиях рынка

Пока Борис Покровский гостенал на дружественных сценах — в Большом и Музыкальном, его обительный театр в этом сезоне, кажется, совершенно впал в депрессию. Несмотря на обретение звания "академического" и новое должжданное помещение в центре Москвы. Из списка с осторожностью и оговорками обновляемых задумок на сезон осуществилось лишь одна: Михаил Кисляков, исполняя менту мэтра, поставил крохотную любительскую оперу Кюи "Сын мандарина". На эстальные постановки, в частности "Коронацию Поппеи" Монтеверди, за которую собирався братья сам мэтр, говорят, не нашлось денег (Камерный, к слову, едва ли не единственный из столичных театров, за исключением, конечно, Большого, еще не перебрался под крыло рачительного и щедрого мэра). Но если бы дело было в одних деньгах или таком объективном обстоятельстве, как отнимающая силу работа по адаптации

старых спектаклей к новой сцене! Единственная премьера сезона 1997/98, ставшая милой безделкой "на один день", как и предыдущие несколько премьер, — прямое отражение неприязнительного состояния труппы, давно не чувствующей аромата музыки и лицедействующей в духе балаганного театра. Главный революционер устал и не знает, как бороться за публику в условиях дикого рынка (всю жизнь публика боролась за него). "Я дам вам успокоительное", — решает он. Но почему раздражаемые противоречиями, нагуганные и затравленные граждане не припадают в массовом порядке к его чаше? Почему другие источники манят их больше?.. Если бы Борис Александрович явил в жилы своего снижшего дитятки (некогда бывшего властителем дум) новую кровь, дав карт-бланш молодым — режисерам, дирижерам, сценографам! Но он отмахивается от них. Законный вопрос "Сколько денег залпалят за постановку?" вызывает в нем гнев. В вопросе "Как попасть в Большой на ваши репетиции?" ему слышится меркантильный, а не какой-нибудь другой интерес. Не верит. Закрылся.

Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?

Большой. Во всяком случае, Владимир Васильев всецело доволен итогами прошедшего сезона: и свое высокое реноме театр возвратил, и ни за одну премьеру не стыдно. Но не исключено, что тот, кто не так по-отчески горячо, как он, обожает Большой, с ним и не согласится. Репертуарная политика, к примеру, кому-то может показаться не политической, а гаданием на кофейной гуще, или вокальным уровнем труппы — вовсе не таким уж выхожим. И главное, основания для сей обидной крамолы — есть. Вопрос: почему эти, а не другие оперные премьеры явились в сезоне? Глядишь на афишу какого-нибудь маленького Теликона — политика налицо. От раритетов и изысканных миниатюр отказались ("не наш стиль, и публику не соберать"), играют большие шлягеры, но — и в этом изъянка — в сиячном коробке и в такой интерпретации, что вовек не забудешь. Политика есть у великана Мариинского. Здесь чертят впечатляющие монографические линии — весь оперный Мусоргский, в широком развороте Римский, Вагнер, открыли постоянную "школу" оперы XX века — для публики и исполнителей. А по чему

под нашей квадригой появилась, к примеру, прокофьевская "Любовь к трем апельсинам"?

Вероятнее всего, потому, что на нем остановил свой выбор Питер Устинов. В данном случае для Васильева важно было заманить мировую знаменитость в исполнение своего плана "Большой для лучших звезд", а что звезда станет ставить — дело второе. Появление "Франчески да Римини" (третьей за последние лет 20) спровоцировало, скорее всего, размахивающийся юбилей. Но почему вместо запланированного "Модцарта и Сальери" явилась "Норма"? А пришли Марина Мецержакова и Михаил Агафонов, снискавшие шумный успех в шведской "Норме", и сказали: "Давайте мы и дома это споем". И — да здравствует Беллини! Заявляли "Бориса" в постановке Валерия Фокина — но вдруг явилась идея сделать бенедикт Зурба Соткилавы, и вместо "Бориса" перед публикой предстал "Трагическая мелничиха" Паизиелло (волоча за собой шлейф скандалов).

Похоже, идет простой набор репертуара методом "тыка" и в безотходном режиме: то, что окажется малопригодным для большой сцены, можно будет перенести в филлиал. Хотя, например, такой Паизиелло, который явился в Большом под конец сезона, едва ли украсит даже провинциальный театр. Но этой истории если и следует коснуться, то отнюдь не в рецензионном аспекте. Суть ее в сомнительном гибриде той готовности к самым смелым экспериментам, которую продемонстрировали в Большом, и того отчаянного легкомыслия, с которым здесь на риск пошли. Сознание необходимости специалиста по аутентизму в работе над оперой XVIII века, пригласили дирижера аж из мира камерного исполнительства — честь вам и хвала. Но не учли отсутствие театрального опыта у замечательного во многих отношениях музыканта Александра Рудина, его неадекватный темперамент и то, что аутентизм — не та крепость, которую можно взять с наскока, за месяц-другой несчастных встреч. Результат — Рудин был отстранен после первой генеральной (спектакль подхватил другой дирижер), стиль Паизиелло остался для исполнителей и публики тайной за семью печатями... Кстати, идея интересного по сути эксперимента генерировалась не без участия Петера Феранца, ныне экс-хурдука габтовского оркестра. Москва его так и не полюбила — другая порода. В облике холодный лоск, на челе печать высокомерия, к масштабным драматургическим разворотам неспособен. Зато он имел вкус к элегантно куртуазным и утончен-

но-нервным вещичкам вроде модцартовской "Свадьбы Фигаро" или пуччиниевской "Богемы". Но все это элегантно и нервическое все равно сдвднут в филлиал, который ведь когда-нибудь появится. А большой сцене понадобятся мощь, страсть, длинное горячее дыхание. Словом, с Феранцем расстались по справедливости. Но по справедливости при этом стоит ему сказать и спасибо — хотя бы за те самые "Свадьбу" и "Богему", на которые нам удалось взглянуть глазами европейцев. На его место, вернее, на свое место, в свой старый дом идет Марк Эрмлер, и идет уже с новыми, чем были у Феранца, полномочиями, — как музыкальный руководитель театра. Подвездет или нет на этот раз чутый хозяин Большого?

Но вот с каким васильевским утверждением — возвращаясь к нашим премьерам — не поспоришь, так это с утверждением относительно того, что за новинки этого сезона не стыдно (исключая, может быть, "Мельничиху"). Хотя и гордиться, кажется, особенно тоже нечем. Полукоштерная полусценическая "Норма" преподнесла две "новости", одну хорошую — в Большом есть кому петь белкантивный репертуар, и одну плохую — с крупными артистическими личностями здесь туго. "Франческа", в которой сошлись и музыкальная удача "от" Андрея Чистякова, и режиссерский пережим "от" Бориса Покровского, воюю "шекспировизовывающего" в общем-то скромное размахное творение, скорее всего, попадет в разряд дежурных опер, которую всегда можно подставить к какому-нибудь одноактному балету. Ярче всего здесь блеснула "Любовь к трем апельсинам" (Петер Феранец — Питер Устинов — Олег Шейнцис). Качественная, не без европейского лоска и даже не без юмора вещь. Но, во-первых, положила руку на сердце — одлевал ли вас смех на представлении этой комической сказки? Во-вторых, одна удача еще не тенденция. И, в-третьих, как выразился один мой многомуудрый коллега: в других театрах такая постановка была бы сочтена и вялой, и вторичной, но в Большом она — прорыв к творческому высотам. Эта высота и стала пиком столичного сезона 1997/98. По качеству, то есть гармоничному соединению музыкальной стороны, режиссуры и сценорафии, ни один другой спектакль с "Апельсинами" не сравняется. "Мальчишка для битвы" Большой и в самом деле оказался всех милее. Правда, в отделе взятом и не лучшим московском сезоне.

Лариса ДОЛГАЧЕВА

